

Мир всем людям. Фриц Грибел. ФРГ. Наши матери требуют: мир! Николаус Мануссис. Греция. Мать и дитя. Карл Рашлер. Венгрия. Маленький африканец. Мирчо Яковов. Болгария.

СТО ЛЕТ тому назад прозвучали такие слова: «Мы не раз воевали, нам противны всякого рода убийства...»

Эти возмущенные, проникнутые подлинной человечностью слова были сказаны Александром Герценом в конце 1859 года.

Проникновенный, озаренный великой любовью к людям всей планеты доклад Никиты Сергеевича Хрущева и Закон о новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР отразили самые глубокие думы и надежды советского народа.

— Ах, если бы можно было строить самолеты только для мирных целей! Вот бы здорово было!

Бурными аплодисментами встретили избранные представители советского народа этот порыв прославленного авиационного конструктора...

Сорок лет я преподаю географию. — сказал школьный учитель в Париже. — и никогда еще мир не был так мал.

— Я узнал, что вы из России. Я прошу передать господину Хрущеву: японские будисты будут молиться, чтобы господь пролил его тоды, ибо все люди взирают с великой надеждой на его деяния...

В Кяото находится храм Тысячи и одного Будды. В огромном залитом солнцем зале слабо мерцают дес золоченых статуи.

В Индии находится Таж-Махал, усыпальница жены одного из правителей эпохи Великих Моголов. Эту пятнадцатую громаду из розового мрамора строили двадцать тысяч рабов в течение многих лет.

Однажды ночью над Таж-Махалом, над самым куполом, показалась движущаяся светящаяся точка. Она летела в ночном небе.

Сотни глаз обратились к ней, к этой летящей звезде, забыв о Таж-Махале.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. Вчера, 18 января, началось расширенное заседание секретариата правления Союза писателей СССР с участием Председательствующий К. Федин, открывая заседание, сказал, что вместе со всем народом советские писатели принимают историческое решение Верховного Совета СССР о новом значительном сокращении Вооруженных Сил Советского Союза.

«Как интернационалист и как француз, я радуюсь вступлению Советского Союза в Лигу Наций. Ни одна страна так неразрывно не связывает свою судьбу с вопросом о мире, как Советский Союз. В то время, как постоянно в государстве в войне средство своего расширения или отвлечения от социальных зол, один лишь Советский Союз не требует ничего, кроме мира, и хочет его, чтобы победить одним только примером своего могучего труда и своих огромных достижений. Пусть же этот великий пример возбудит подлинное пожелание всех народов в стремлении к миру».

Большой интерес также представляет письмо Романа Роллана, адресованное непосредственно коллективу Пушкинского дома. Вот оно: «Вильнев, 10 июня 1938 года. Дорогие товарищи! Простите мне, что только сегодня благодарю вас за телеграмму во

случаю дня моего рождения. Мне непременно хочется ответить лично на горячее приветствие, которое Институт литературы Академии наук оказал мне большую честь. Ничто не могло тронуть меня более, как такой знак внимания, исходящий от выдающихся деятелей советского интеллигентства. Я счастлив, что могу послать братский привет от самых свободных представителей французской мысли. Великая всечеловеческая культура, которая была мечтой лучших тружеников мысли в течение многих веков, осуществляется нашими соединенными усилиями под знаменем Союза Социалистических Республик. Прошу вас передать всем вашим коллегам по институту литературы мои лучшие пожелания и мою благодарность. Надеюсь, что во время предстоящей поездки в Советский Союз мне удастся посетить Ленинград и встретиться с некоторыми из вас. Сердечный привет! Роман Роллан».

И в воззвании Романа Роллана к Амстердамскому антивоенному конгрессу, состоявшемуся, как известно, в 1932 году (оригинал этого воззвания в себя также поступил в отдел рукописей Пушкинского дома), звучит голос великого борца за мир, за дружбу народов Франции и Советского Союза, всех народов земли.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

Год издания 31-й № 8 (4133)

Вторник, 19 января 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Меридиан надежды

Братья ТУР

И когда она скрылась во тьме, индеец в очках и чалме сказал: — Нет слов, устальщина жены Шах-Джехана прекрасна. Но это — мертвая красота. А только что мы видели в небе настоящее чудо! Чудо из чудес!.. И, помогая, добавил: — Если бы люди не тратили силы и деньги на то, чтобы убивать друг друга, человек уже давно побывал бы на Луне, а может, и на Марсе...

В Африке, в Дакаре, среди рыжих, выжженных холмов, молодой сенегалец с беззащитной «Шелл» грустно рассказывал, что ему скоро надо уходить в армию.

— Будет ли война? — задушевно спросил он. — Я читал выступление господина Хрущева на Генеральной Ассамблее... Может быть... — не будет?..

В Южной Америке советские писатели встречались с писателями, художниками и артистами. И все они — и парагвайский писатель Аугусто Роа Баста, и чилийский актер Лаутара Маруа, и уругвайский драматург Вальдемар Гименес, и художник Сауло Бенавенте, и аргентинский кинорежиссер Уго дель Карриль — говорили о великой надежде на мир, и помысли каждого из них были связаны с нашей страной.

И вот теперь великим государственным актом Советский Союз еще раз подкрепляет эту заветную надежду человечества.

Но, как говорит Н. С. Хрущев, «...за сумасшедших нельзя ругаться; они всегда были и видны, не делясь в будущее». Поэтому Никита Сергеевич подчеркивает: «...Если бы какой-либо безумец вызвал нападение на наше государство или на другие социалистические государства, то мы смогли бы страну или страны, напавшие на нас, буквально стереть с лица земли».

Растущее могущество нашей страны и всего социалистического лагеря — надежная гарантия против таких безумцев.

Сто лет тому назад Александр Герцен писал: «...Разум не один, их два. Разум мира садится, вечернего — не совпадает с разумом мира восходящего, утреннего!»

Сегодня речь идет не о «двух разумах», противоборствующих друг другу, а о борьбе разума с безумием. И все прогрессивное человечество верит, что разум восходящего, утреннего мира победит безумие мира садящегося, вечернего!

Мануэаль КЕСАМА

ТАК БУДЕТ!

Пуста казарма. Никому не нужно Вставать, как штык, по окрику: «Подъем!». И рад в сарае старый конь заслуженный. Что нет седла тяжелого на нем. Расседлан генеральский конь заслуженный.

Ни одного солдата в карауле. Не щелкают затворы... Тишина... И роты больше не пойдут сквозь пули. И людям смертью не грозит война... Нет, роты больше не пойдут сквозь пули.

Спокойно в небе облакам высоким, — Никто не налетит издалека... Куда хотите — к западу, к востоку Плыните в мирном небе, облака! Хоть к западу плывите, хоть к востоку.

Вот солнца луч на материнских лицах Разглядил все морщинки до одной. Как дни светлы, и по ночам не снится, Что сын родной опять уходит в бой! Как хорошо, что ночью бой не снится! Расплавлен ствол последней пушки грозной; Куем плуги — повсюду звон и шум! Нас от земли поднимут к дальним звездам

Свободные энергии и ум. Мы полетим с тобой к далеким звездам. Воскликнет мир — прощай, прощай, оружье! Пусть спорят мысли, поиски, мечты: Оружье человечеству не нужно — Пути больше кровью займись. Прощай, оружье!

Перевод с английского Марк СОБОЛЬ

РУКА ДРУГА

Цейлон. Стоит пронести это слово, и память сразу подскакивает давно знакомые картины, которые мы создали себе по книгам. Скачущие джунгли, обезьяны, скачущие по деревьям, тропическая жара... Все это, конечно, так. Но жизнь внесла поправки в этот пейзаж.

Более года назад океанские пароходы доставили на Цейлон мощные советские тракторы. И с тех пор их рокот оглашает джунгли в районе Кангалана. Здесь на шести тысячах акров с помощью советских специалистов создается первая на Цейлоне государственная плантация сахарного тростника.

Советские машины еще корчут вековые деревья-гиганты, а почти на одной трети площади будущей плантации уже зеленеют посевы сахарного тростника. Когда же цейлонцы соберут первый урожай, им не придется везти его далеко. Рядом с плантацией чешские и польские специалисты сооружают сахарный завод. Кангалан — начало технического и экономического сотрудничества между СССР и Цейлоном. В дальнейшем на Цейлоне предполагается создать с помощью СССР еще одно крупное хозяйство по выращиванию хлопчатника, построить металлургический и химический заводы, элеватор с мельницей и т. д.

Московских институтов, но кое-что о нам уже можно рассказать.

Столица Индонезии Джакарта скоро украсится огромным сооружением — главной спортивной ареной. 100 тысяч человек вместят его трибуны. Во время спортивных празднеств трибунной арены лучей тропического солнца надежно укроет навес, который соорудят над трибунами.

На территории стадиона предусматривается построение плавательного бассейна с трибунами, тренировочного футбольного поля и сооружений для соревнований по бадминтону, волейболу, баскетболу, боксу и некоторым другим видам спорта.

Индонезийский комитет по проведению IV Азиатских игр в основном одобрил проект будущего стадиона. Экономическое и техническое сотрудничество Советского Союза с Цейлоном, Индонезией и другими странами Азии и Африки — символ растущей дружбы СССР и народов этих стран.

В. ЛАММ

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Высота

ВЫ — НЕ ХОТТАБЫЧИ

ПРОШУ принять меня на строительство плотины Берингова пролива... Не могу остаться на обочине. На газетной странице напечатаны эти слова. Они взяты из письма, присланного в редакцию как отклик на статью о проекте плотины Берингова пролива.

Плотина Берингова пролива — пока всего лишь дерзновенная идея, вокруг которой идут научные споры, но молодое, смелое сердце уже горячо поверило, что она будет. Письмо, пришедшее в редакцию «Литературной газеты», было опубликовано за подписью Александра Иванушкина.

Кто этот паренек? Любитель приключений, готовый поехать хоть на край света, лишь бы сменить обстановку? А может быть, решительный человек, загоревшийся грандиозной мечтой переделывать материку и перекрывать океаны?

В конце концов я нарисовал себе его портрет: буйная шевелюра, жизнерадостные глаза, черные широкие брови. Мысленно я даже слышал как он произносил пламенные речи на комсомольских собраниях, но вдруг понял, что этот нарисованный мной воображением герой очень похож на положительного персонажа из плохих кинофильмов, и оставил затею вообразить себе автора трогательного письма в газету.

В. САПОЖНИКОВ

И вот я сижу в маленькой комнате общепита. Она совершенно не похожа на светлые аппараты из кино-обыкновенный шкаф, неудобный, стол, единственный, не очень надежный стул. На тумбочке — тяжеловесный, похотливый на железобетонные перекрытия орфографический словарь; рядом с ним книжка Чаковского «Год жизни» кажется лилипутом. Она раскрыта, и я вижу на полях пометки: «Здорово!», «Молодец!», «Ну, завет психологический!»

Мой герой самым прозаическим образом спит. Грозных бровей нет. Лицо обыкновенное, хорошее, мягкое, с крупными чертами. Руки сильные, рабочие, без мозолей (почему думаю, что у рабочего человека руки непременно в мозолях?), но тепловатые, видно, пальцы не умылись: мне сказали, что он отдыхает после ночной смены.

Суббота. Четвертый час дня. В коридоре шумно: ребята возвращаются с работы. С грохотом открываются и закрываются двери, стучат сапоги. Кто-то зашел радиولو, и в комнате позвонили стекла... Но Саша спит. Так спят люди, основательно уставшие, и сон этот ничем невозможно нарушить. Я раздвинулся, сажусь за стол, глажу на Сашу. «Что сделал уже ты своими руками? — думаю я. — Какие прошел пути-дороги? Что любишь, какие мечты греют твою жизнь?»

Саша открывает глаза. Со сна они большие, темные. Он садится и говорит: — Явление первое: неизвестный человек в сером костюме. Вы кто? Не Хоттабыч? — Нет. — Жаль. А то я с ходу потребовал бы кое-что. — Что именно? — Усиленную порцию шей и две порции гуляша: сегодня опоздал на завтрак и голоден, как сто сорок волков.

Я повторил, что, к сожалению, не Хоттабыч, а всего-навсего писатель и пришел познаться к вам, и может быть, написать о нем. — Написать обо мне? Вы не шутите? — Нет. — Вы спугнули адрес: я же не артист и не заслуженный боксер. Перед вами самый обыкновенный человек. Рабочий. Быстро взглянув на меня, Саша смутился. — Кажется, я невежлив, правда? Словно гоно вас. Извините. — Он выпрыгнул из-под одеяла, как вихрь, ухватился куда-то и минуту спустя вернулся с подотенцем через плечо, свежий и розовый.

Улицы — моя! — Вот что. Раз уж прехалди, будьте гостем. Покажу вам наш городок и... свою улицу в нем. Ладно? И вообще будем целый день ходить вместе. Принято? — Принято. — согласился я. Саша скоро перекрутил, и мы вышли из общепита.

Дул мягкий ветерок, лениво падал крупный снег. На ресничках и на бровях Саша повисли снежинки. — Вот она — моя улица, — сказал он. Сашина улица — это серые громады пятиэтажных домов. Они глядели на мир рядами разросшихся Морозом окон. — Вон, взгляните на этот домиче. Блочный! Мы с Генкой Евсимины монтировали. Правда, красавец? Попутно он рассказывает мне про Гену Евсина. Отличный парень! В свое время его отчислили из строительного института. За что? Вел себя довольно резко. Гена расклялся с институтом и поступил к нам в бригаду. Сначала морщился и шалопутил, но скоро перевернулся в рабочую котле и сейчас, пожалуй, лучший монтажник на стройке. А институт кончат заочно.

Так вот мы с Генкой на этом доме — рекорда выжили: за смену установили шестьдесят блоков. Три нормы. И, не останавливаясь, Саша продолжал: — Вот карнизы на этом доме устанавливала наша бригада. Видите, лепные. Помнишь, лень был чудесный! Работали, как на пляже, в одних трусах. Положили последнюю плиту, умылись и устроили оргию: купили ведро молока, пять булок хлеба и пили из одной кружки. Потом танцевали прямо на перекрытиях. Это у нас традиция. Музыка, конечно, не было. Танцевали под хорошее настроение.

В конце Сашини улицы — школа. Саша сказал, что здесь он положил свой первый кирпич. — С этого угла началась моя карьера каменища. И кирпич этот будет лежать сто лет, а может, и больше. Мы переходим проспект Мира и останавливаемся перед входом в общежитие. — Мне надо зайти к одному человеку, — нерешительно говорит Саша. — Да, да, ты иди, а я подожду, — сказал я. — Нет, мы пойдем вместе. Она, конечно, зубрит сейчас, но мы не надолго. Только поздороваемся, и все. Она палец на работе порезала. Мы поднимаемся по лестнице. Саша ворчит: — Трусость отвратительная. Чувствую себя так, будто что-то воруюсь. Смелость свойственна человеку, который полностью выдал из себя раба. Несмотря на это глубокого философского умозаключение, в одну из дверей четвертого этажа Саша постучал довольно робко. — Олл, — знакомая, сказала девушка. (Окончание на 2-й стр.)

Принято. — согласился я. Саша скоро перекрутил, и мы вышли из общепита.

Дул мягкий ветерок, лениво падал крупный снег. На ресничках и на бровях Саша повисли снежинки. — Вот она — моя улица, — сказал он. Сашина улица — это серые громады пятиэтажных домов. Они глядели на мир рядами разросшихся Морозом окон.

Вон, взгляните на этот домиче. Блочный! Мы с Генкой Евсимины монтировали. Правда, красавец? Попутно он рассказывает мне про Гену Евсина. Отличный парень! В свое время его отчислили из строительного института. За что? Вел себя довольно резко. Гена расклялся с институтом и поступил к нам в бригаду.

Сначала морщился и шалопутил, но скоро перевернулся в рабочую котле и сейчас, пожалуй, лучший монтажник на стройке. А институт кончат заочно.

Так вот мы с Генкой на этом доме — рекорда выжили: за смену установили шестьдесят блоков. Три нормы.

И, не останавливаясь, Саша продолжал: — Вот карнизы на этом доме устанавливала наша бригада. Видите, лепные. Помнишь, лень был чудесный! Работали, как на пляже, в одних трусах.

Положили последнюю плиту, умылись и устроили оргию: купили ведро молока, пять булок хлеба и пили из одной кружки. Потом танцевали прямо на перекрытиях. Это у нас традиция. Музыка, конечно, не было. Танцевали под хорошее настроение.

В конце Сашини улицы — школа. Саша сказал, что здесь он положил свой первый кирпич. — С этого угла началась моя карьера каменища. И кирпич этот будет лежать сто лет, а может, и больше.

Мы переходим проспект Мира и останавливаемся перед входом в общежитие. — Мне надо зайти к одному человеку, — нерешительно говорит Саша. — Да, да, ты иди, а я подожду, — сказал я. — Нет, мы пойдем вместе. Она, конечно, зубрит сейчас, но мы не надолго. Только поздороваемся, и все. Она палец на работе порезала.

Мы поднимаемся по лестнице. Саша ворчит: — Трусость отвратительная. Чувствую себя так, будто что-то воруюсь. Смелость свойственна человеку, который полностью выдал из себя раба. Несмотря на это глубокого философского умозаключение, в одну из дверей четвертого этажа Саша постучал довольно робко. — Олл, — знакомая, сказала девушка. (Окончание на 2-й стр.)

Награждение Д. И. Заславского

В связи с восьмидесятилетием со дня рождения Давида Иосифовича Заславского и отмечая его долготелюю плодотворную литературно-публицистическую деятельность, Президиум Верховного Совета СССР награждает его орденом Ленина.

«КТО ПОМОЖЕТ ЛЮБИЯЩИМ ИСКУССТВО?»

Под таким заголовком 15 октября «Литературная газета» опубликовала письмо читателя В. Хидченко о необходимости массового издания литературы по вопросам искусства.

Что же касается тиражей, то, по мнению издательства, «Союзкиногаз» эти вопросы решает не всегда правильно.

Перед Александром Крупа и его товарищами, демобилизовавшимися из армии в конце минувшего года, не стоял вопрос, куда идти.

И вот уже комсомолец Александр Крупа — монтажник, работает на новостройках стального района Хорошево-Мневники.

Фото А. Князева

(Юношанье. Начало на 1-й стр.)

До нашего прихода она видна и действительно «зубила». На столе перед ней лежала толстая Географическая энциклопедия.

Солнце уже садилось за Иртыш, и в светлых волосах Оли вспыхивали искры.

— У тебя палец занят? — спрашивает Саша.

— Он и не болят, — отвечает Оля. — Дарюшка...

Минице Оли заматан бинтом. Оля работает шпательной. Эти маленькие ее руки делают вечное. Маленькие, крепкие, девичьи руки.

Оля хорошилась, лицо круглое, губы по детски припухшие.

— Ты, наверное, заучилась совсем? — говорит Саша и обращается ко мне: — Она у нас со стройки. Хотела отработать стаж, а потом поступать в строительный. И вдруг — хлоп! — передула: готовится в пединститут, на географический.

— Разонаправилась профессия строителя? — спрашиваю я.

— Нет, просто поняла, что больше всего люблю школу и ребятшек.

— У тебя, Оля, ни капли логики, — говорит Саша.

— Очень мне нужна твоя логика! Лучше ходи со своей логикой в другую комнату.

— Ладно, уйду — соглашается Саша — Учитель — это тоже, конечно, здорово. Значит, что пойдешь в кино?

— И не соблазняет. У меня еще подглавы не выучено. А кино какое? Комедия? Нет, не пойдю, конечно. А во сколько начало?

— В восемь.

Оля усердно листает учебник, хмурится.

— А билеты есть?

— Есть. То есть... купим. Из-под земли достанем. Ты зурби, а мы пойдем за билетами, а потом позвоним тебе. Ладно?

Высота

Ну, как вам пояснить?.. Закралось в душе беспокойное чувство: «И это все? Костюм, кино, нагон в Сокольниках?»

Может быть, началось это с того, что однажды увидел я, как с Казанского вокзала отправлялся на целину один из первых эшелон москвичей.

Я не люблю оркестров и речей, но запала мне в память радость на лицах отъезжающих. А когда перрон опустел, я почувствовал себя отставшим от этого поезда.

В конце концов, осенью я сел в поезд и вместе с другими поехал на уборку в Казахстане. Два месяца жизни в палатках, степь, комбайны... А вернувшись в Москву, я понял, что теперь уеду навсегда, туда, где шумят просторы, «где воцарится роки и коичут туманы».

Нет, я не разлюбил Москву. Я разлюбил самого себя в Москве, свою жизнь в ней. Подумал и решил ехать сюда, в Омск. Посоветовался с матерью, отцом, с соседом по квартире, хорошим человеком Михаилом Гавриловичем Гусановым.

— Поезжай, парень, — сказал дядя Миша — У человека, как у птицы, крылья в полете крепнут.

Так я и приехал сюда.

МОЖНО ЛИ ЧИТАТЬ ЧУЖОЙ ДНЕВНИК?

Прочувшись утром, я обнаружил на Сашиной тумбочке пять исписанных тетрадей. Наверное, это были его лекции. На страницах мелькали рисунки, чертежи странных машин.

— Чужие дневники читать нельзя, — сказал Саша.

— Прости, пожалуйста, — смущился я. — Я не знал, что это твой дневник. Дунал, лекции.

Саша, заложив руки за голову, о чем-то думал.

— А почему нельзя? — вдруг сказал он. — Если я боюсь показать свой дневник, значит, стыжусь самого себя. Это глупо. Словом, если вам хочется убоить напрасно время, можете читать.

Саша здесь, ушел, а я остался наедине с его дневником.

«Тето. После работы бежим в Иртыш, бросаемся в холодные волны древней реки. В общештирн ствят телевизор. Здорово!»

Я замешкался. Сегодня работал самостоительно. Норму выполнял, и бригадир сказал: «Ну, Сашка, дело у тебя пойдеть!» Приятно слышать похвалы! Целый вечер хожу, как омушьял. Жить на свете интересно!

...Замесился в библиотеку. Читаю брошюры по каменным работам. Читаю они, как когда-то Колян Дойль. И еще есть замечательный писатель — Антон Чехов. Странно, сейчас я будто открываю его заново. Может быть, оттого, что вроде уново становлюсь. А ум приходит в тот денк, когда съешь кусок хлеба, заработанный своими руками. Или и обшанбас?

ПЛОТИНА БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

...Я выполнял задание по черчению. Принесли газеты. Я развернул «Литературку». «Плотина Берингова пролива» — странный заголовок! — начал читать. Гольфстрим поднимается на поверхность Ледовитого океана.

Я перенес на ватман чертеж, потом снова перечитал статью о Беринговом проливе. Если представить человека и всю землю, то он в этом сравнении — ничтожно малая величина. С Луны, например, невозможно разглядеть человека даже в самый сильный телескоп.

Я начал рассказывать о страшных полярных морозах с морскими ветрами, о пурге, которая может перевернуть трактор.

— Знаете что? — перебил меня Саша. — Вы, должно быть, ожидаете, что я скажу: «Подумаешь, морозы, пурга — ничего не боюсь!» Обшанбасе. Скажу честно: морозов не люблю, неприятный шутка. Пятидесятиградусный мороз — это, наверное, жуткая вещь. Но дело не в этом. Очень хочется сравниться с природой. И я хочу быть в этой огромной битве. Ведь это самый благородный бой, в котором победителем будет все человечество, все два миллиарда восьмью миллионов людей на земле...

Саша провожал меня до троллейбуза. Несмотря на крепкий мороз, он был без рукавичек, в фуражке. Я сказал, что он ушли отморозит.

И вдруг без всякой связи сказал: — Оля ходила вчера на консультацию. Она упорная. И на плотину поедет.

— Ты говорил уже с ней?

— Нет. Но она поедет. Мы крепко пожали друг другу руки, и троллейбус тронулся...

Почему-то кажется, что с Сашей я еще встречаюсь. И, вероятно, не на строительстве плотины Берингова пролива, может быть, совсем в другом конце моей необъятной Родины, но обязательно там, где проходит передний край грандиозного преобразования мира...

НЕТ, С ЭТИМ АБСОЛЮТНО НЕЛЬЗЯ ТЯНУТЬ

Я еще листал тетрадь дневника, когда Саша вернулся и сел на кровать. — Знаешь, Саша, — сказал я, — плотина — это ведь еще идея. Даже в лучшем случае — это очень несерьезно!

— Как несерьезно? — удивился он. — Нет, с этим абсолютно нельзя тянуть! Саша сказал это так, что я сам невольно поверил: скоро газеты запестрят статьями и заметками о строительстве колоссальной плотины, и будет на месте Дежнева первые палатки строителей, слышен прохот первых бульдозеров и экскаваторов.

— А ты представляешь, что такое Север? — спросил я Сашу.

— Представляю, по книгам, конечно. Я начал рассказывать о страшных полярных морозах с морскими ветрами, о пурге, которая может перевернуть трактор.

— Ты говорил уже с ней?

— Нет. Но она поедет. Мы крепко пожали друг другу руки, и троллейбус тронулся...

Почему-то кажется, что с Сашей я еще встречаюсь. И, вероятно, не на строительстве плотины Берингова пролива, может быть, совсем в другом конце моей необъятной Родины, но обязательно там, где проходит передний край грандиозного преобразования мира...

В писательских организациях

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В ЖУРНАЛАХ

ЛИТЕРАТУРНОЙ критикой в журналах было посвящено недавнее заседание бюро секции критики Московской писательской организации.

М. Шкерин в своем выступлении затронул важную проблему о публицистичности критики, о связи литературной критики с жизнью.

Разговор о связи критики с жизнью продолжил Г. Броман на примере журнала «Октябрь». Этот журнал, отметил Г. Броман, стремится к созданию публицистической критики, посылает критиков в творческие командировки, регулярно организует дискуссии, в которых слитно обсуждаются проблемы литературы и проблемы жизни.

Вопрос о необходимости творческих дискуссий и споров затронула в своем выступлении Т. Трифонова. Она отметила как серьезное достоинство журнала «Знамя» то, что критика в нем ведется с очень отчетливых литературных позиций.

— Без споров, без полемик, без дискусий нет жизни в литературе, — подытожил Т. Трифонов.

Такая точка зрения практически исключает самую возможность дискуссий на страницах журнала. Вот почему Т. Мотылева, подводя а заключительном слове итоги обсуждению, не сгласилась с ней.

О требовательности, выскальчивости литературной критики говорила О. Войтинская.

Почему, когда мы заводим речь о творчестве «мастителей», мы впадаем обычно в юбилейный тон? Как получило, что некоторые наши крупные писатели оказались как бы за пределами критической досягаемости? — спрашивала она.

— Благодушие — это худшая форма равнодушия, — продолжил разговор о выскальчивости А. Лейтес. — В нашей критике наблюдается тревожная тенденция, которую можно определить, как «девальвацию похвалы». Критика часто утрачивает чувство адреса, не доходит до сердца читателей.

И. Чичеров след за А. Деметриевым говорил о том, что главной, центральной задачей критики является разбор творчества новых произведений. А здесь наши критики проявляют порой робость и иррациональность. Много книг остается пока еще за пределами серьезного критического разговора.

Анализировать произведения литературы с позиций жизни, бороться за тесную связь литературы с современностью, смеясь обсуждать спорные и нерешенные вопросы, повышать требовательность и выскальчивость — таковы выводы, которые сделали критики из этого обсуждения.

КАК ЛУЧШЕ И БЫТЬ ПОЛНОЦЕННЫМ

Использование для развития литературы просторней работы писательской организации на общественных началах, — этому вопросу было посвящено расширенное заседание правления Ростовского писательского объединения совместно с партийным бюро и активом литераторов.

Если мы не можем себя удержать в расточительстве, в раздувании аппарата, то мы должны с полной самокритичностью заявить, что общественная работа у нас в последнее время была крайне незначительной, — признал Г. Шолохов-Сивинский.

Нашим ученым-медикам, — сказал один из старейших литераторов Дона П. Максимов, — провалили замечательный проект: отказавшись от частной практики, они бесплатно принимают больных в нерабочее время. Почему бы и нам не отказаться от гонорара за чтение рукописей, поступающих в Союз писателей?

Это предложение поддержали в своих выступлениях В. Закурткин, А. Калинин, М. Соколов, В. Фоменко и другие.

Развивая далее эту мысль, И. Стальский призвал отказаться и от гонорара за выступления перед читателями.

— Всякая маза, которую писатели берут за общение с читателями, — позор для организации, — сказал М. Соколов. — Каждый из нас должен быть наравне с народом! Я думаю, наше общение с читателями не должно ограничиваться чтением отрывков или стихов. Приезжая в колхоз, на завод, мы обязаны увлеченно, разговаривая, как художники слова, рассказывать о всенародных мероприятиях, делиться с читателями своими творческими планами, советовать с ними, а самое главное — узнавать об их думах, стремлениях, нуждах и заботах, с тем, чтобы, если потребуется, поднять

НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

своего голоса в поддержку какого-нибудь хорошего начинания или осуждая имеющиеся недостатки. И совершенно правильно позиция на общественных началах, — этому вопросу было посвящено расширенное заседание правления Ростовского писательского объединения совместно с партийным бюро и активом литераторов.

Если мы не можем себя удержать в расточительстве, в раздувании аппарата, то мы должны с полной самокритичностью заявить, что общественная работа у нас в последнее время была крайне незначительной, — признал Г. Шолохов-Сивинский.

Нашим ученым-медикам, — сказал один из старейших литераторов Дона П. Максимов, — провалили замечательный проект: отказавшись от частной практики, они бесплатно принимают больных в нерабочее время. Почему бы и нам не отказаться от гонорара за чтение рукописей, поступающих в Союз писателей?

Это предложение поддержали в своих выступлениях В. Закурткин, А. Калинин, М. Соколов, В. Фоменко и другие.

Развивая далее эту мысль, И. Стальский призвал отказаться и от гонорара за выступления перед читателями.

— Всякая маза, которую писатели берут за общение с читателями, — позор для организации, — сказал М. Соколов. — Каждый из нас должен быть наравне с народом! Я думаю, наше общение с читателями не должно ограничиваться чтением отрывков или стихов. Приезжая в колхоз, на завод, мы обязаны увлеченно, разговаривая, как художники слова, рассказывать о всенародных мероприятиях, делиться с читателями своими творческими планами, советовать с ними, а самое главное — узнавать об их думах, стремлениях, нуждах и заботах, с тем, чтобы, если потребуется, поднять

ГЛЯДЯ НА НОЧНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Мы лежим на кровати и смотрим на примеряющие к темным окнам звезды. Спать не хочется. Вспоминаем забавные и странные случаи из жизни, философствуем.

— Я думаю иногда вот о чем, — сказал Саша. — При коммунизме мы будем работать мало, а отдыхать много. А не скучна ли станет жизнь? Знаете, эти мысли не с потолка свалились. Хотите, объясню, как я пришел к ним? Только я должен рассказывать о себе. Будете слушать?

— С удовольствием.

— Ну, вот жил в Москве некий юноша Александр Иванушкин, ходил по нарядным улицам столицы, глаза, как город вечерами заливали зарницы неоновых огней, и был счастлив. Почему бы и не так? Была у юноши квартира, работа и отличный синий костюм, шитый у портного. Но вдруг ему стало скучно, нет, не скучно, что-то другое.

ТЫЛЫ И СКОРОСТЬ

— ЭТО получается вроде того как вам борд наварили, а не дали. Ешь, как знаешь. Так и у нас в доменном... А отчего, спрашивается? Тылы.

Невысокий крепенький, газодичный Василенько горничился, а я вдруг вспомнил один давний утомительный солдатский поход через осеннюю забайкальскую степь и аппетитный, обжигающий борщ, который плеснула в алюминиевый котелок щедрая рука батальонного повара.

— Эх ты, тыла, — сказала он. — Без ложки что за солдат? Тылы, брат.

— Тылы, — твердил Василенько. — Что мне ни говорит, а я свое знаю. Когда на рудном дворе пусто, когда загораем домны с колесом, когда «посуды» не хватает и чугуи переставляет по десятку часов, когда гранбассейн черт знает где и шак саявет некуда, — как знаешь? Вот именно, борщ наварили, а хлеть нечем... Возьмите хотя бы нашу комсомольскую. Сколько хлопот с ней? А опять же из-за тылов...

У Василенько были серьезные претензии. Он считал, что печальная биография новой домны, задеганной авариями и простоями, сложилась как из-за просчетов, которые, конечно же, не должны быть. Ведь во сколько великодушных примеров скоростного строительства не только отдельных агрегатов, но и крупных предприятий во всем мире сроднически! Вступают в строй доменные и чугуи берут равномерный и стремительный ритм работы. И слава о них идет по всей земле советской. А вот тут на этом рау что-то неладно получается...

— Знаете, как славая домну? — с залпаом говорил он. — Скорей, скорей... Тут срочи навясат — обязательство-то взяли. Митинг надо созывать, рапортовать, телеграммы салать, да и получить их тоже приятно. К тому же премия...

В словах газодича была какая-то горькая и тревожная истинна. Я помню события тех недавних дней, о которых говорил Василенько, помню праздничный подъем на площадке строительства комсомольской домны на заводе имени Петровского накануне вавушки.

Домну соорудили в рекордно короткий срок в условиях невероятной тесноты на строительной площадке. Строители заслуженно гордились делом рук своих Домнически, работавшие на малоомонитных семикотловых печах, с завистью поглядывали на могучую красавицу.

А у ее подножья кипели людские страсти. Строители «выбивали» у металлургов акты премии. Я видел, как монтажники бивалиously осидели в доменном коридоре председателя приемочной комиссии, ставшая, угваривая, обнадеживая. У них были недостатки, несмонтированные, несверленные конструкции, но они тем не менее просили подписать акт. Старый петровец Борис Иванович Лукашевич был непоколебим.

— Доменная печь — народное достояние, — говорил он. — Будете любезны для народа сдать ее в полную готовность.

И все же... Подвалет тылы. Не хватает «посуды», не хватает чугунов и шлакокозовых ношей, не хватает руды, когда его не принимают бесмерцов из-за ремонта конвертеров. Неадеко и гранбассейн, как сокращено называли здесь бассейн для грануляции шлака. Он не в состоянии пропустить такое количество шлака, и ценный строительный материал приходится спускать в отвалы у Днепра.

На рудном дворе трудятся одиннадцатилетний рудогрейферный кран, и, конечно же, не под силу ему подготовить стандартный район домнам. Непостоянство радиации — расстройство режима.

Неадежна и «шуха», которая закрывает ленту доменной печи. Она часто подводит горновы. «Пушка» не сработала, не закупорива герметичности отверстие, в жидкий чугуи прорывается туда, куда ему вовсе не следует прорываться. И заливает все вокруг, и паллет выяз на железнодорожные пути, и воспламеняет деревянные шпалам...

Об этом отставании тыла мне говорили с горечью на заводе и в совнархозе. Говорили, тоскуя по ритму и культуре труда.

Люди не согласны с минимыми, или с эффективными скоростями. Не согласны с надеждами, вратными порой грозными нарушениями ордена труда и техники безопасности.

Он повалился на строине, часто вывалился, многие клянутся пешком. Его стариком не звали, но он змечал все. Он наблюдал за предвзвешенной суетой и не находил повода для плабдики.

И когда его попросили подписать телеграмму-редацию, он отказался. Все растерялись. Неожиданное «нет» могло все испортить.

— Почему вы так себя ведете? — недоуменно спросил у него человек. — Почему вы противопоставляете себя рабочему коллективу, который так потрудился и так трудится?

— Потому, что я — представитель государственной комиссии и не могу подписать под неправдой. Это был радовой работник совнархоза.

Телеграмму все же послали. Минитинг, хотя с некоторыми оговорками, в речах выступавших, все же состоялся. А недоустрое сотрудничество украиняно глядело глазами окон на некоторых в меру суетившихся людей... С тех пор прошло шесть месяцев. Богдановская

РЕПЛИКИ

СТРАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Вас приглашают в гости. Письмом. И при этом удовлетворяют, что будут вас очень рады видеть. Но вы должны представить заверенную нотариусом копию метрического свидетельства, справку от районной комиссии о том, что у вас, у ваших близких, а также у ваших друзей нет никаких инфекционных заболеваний, справку от отделения милиции, что вы никогда не подпадали в плен в военное время, так и в краже с взломом. После этого а том же письмом приглашают вас приехать в гости. Но вот в журнале «Врач» органе Министерства здравоохранения Украинской ССР, вниманию авторов журнала предлагаются такие условия публикации материалов.

«Нужно указать полностью имя, отчество и фамилию, год рождения, место рождения, образование, род занятий и место работы. Если вы выполняете указанные условия рукописи и печати приниматься не будут», — подчеркивает редакция.

Но даже если все эти требования будут выполнены, все равно редакция оставляет за собой право сорвать и издать статью, не печатая ее в виде аннотаций, помещая иллюстрации по своему усмотрению.

оскорблен столь требовательным педантизмом членов комиссии.

Да, мы за педантизм в таких делах, за подлинно государственной подход к делу, за хозяйскую заботу о тыхах производства! Да, ищущая эффективность в плане управления и темпированной работы, но коллектив строго и неустойчиво должно сочетаться с качеством.

Несколько лет тому назад ставшая знаменитой Петрова первая в стране дава промышленный километр в бессмертные конвертеры. С той поры шаг за шагом новатором продвигались вперед, создавая и постигая теорию нового, мало известного процесса.

Войдите сегодня на площадку бессмерта. Конвертеры в огненном ореоле плава. Поистине — бланц-процесс. Плавка продолжается 15 минут. Точность, быстрота, расчет.

И вдруг — копка Странная, дошедшая, неслезная копка. Люди, преодолевшие моббаны трудностей, не могут, оказавшись, переагнать эту копку, сковалят, спотыкаются...

Речь идет об известии Обыкновенной, хорошо обожженной известии, которая скромно участвует в огненном процессе получения стали.

В чем идет поток серого известняка. Тепловой режим нарушен. Технологический процесс, требующий постоянства, минутной, если не секундной точности, тервет свою производственную гибкость и красоту. Производительность падает.

— Неужто обожженная известь такое уж дефицитное сырье? — Ничего, подобного! Попросту, разводящие. Омаха. Нежелание вынуть... Омаха, как-нибудь обождется. Тылы с завидным упорством гонят силой известняка: «Дослушится в процессе — все одно в огню...» На заводе «Криворожсталь» построили конвертеры кислородными установками, но позвали о печях для обжига известня. А втя печь как раз и есть газы конвертерного производства...

Я слышу голоса людей, удаляющихся чеховым опитом: — Вот еще ведьвадька какая. Ничего нового да нас в этот вет. В каждом чехе — своя беда, своя невзгода. Тылы — это верно... Так привычное же это дело, право... Стоит ли ломиться в открытые двери? Думаю, что все-таки стоит. ДНЕПРОПЕТРОВСК

Открывать сердца прекрасному

ЧИТАЮ некоторые последние статьи о том, какой должна быть критика... Критик — это советчик-доброжелатель... — говорят одни, — советчик, человек с милым, чеховским молоточком доктора в руках... Другие предлагают в руки критика иной молоточек. Молоточек судьи.

Кто прав? Каким молоточком работать критику? А разными! Где надо — одним, где надо — другим. Нужны обсуждения, но и осуждения тоже, наверное, будут. Ибо будет продолжаться жизнь, а стало быть, и жизнь искусства, во всех ее противоречиях и сложностях.

В такой плоскости спорить «по-моему, нецелесообразно. Ведь наши дискуссии о критике в том, что пока они ведутся только в одном кругу: критик — писателю, писателю — критику...»

А читатель? Как же это мы забываем, что критик пишет для читателя? И следует не просто упомянуть его, а подробнее поговорить о том, что должна давать критика читателю.

Я остановился лишь на одном аспекте этой проблемы (во многих республиках, во всяком случае, у нас, в Татарии, именно такой аспект сейчас актуален): эстетическое воспитание читателя.

Собралась в Набережных Челках конференция читателей. Не простых читателей, а читателей-пропагандистов литературы, тех, кто имеет дело с книгой непосредственно, ежедневно, кто должен обладать тонким вкусом к книге, понимать ее, уметь наслаждаться ею, — собралась конференция библиотекарей и работников районных домов культуры. Был тут и автор разбираемого романа. Казалось, достаточно было оснований ожидать от конференции серьезного и всестороннего разбора книги. Однако вышло иначе.

Подготовленные заранее докладчики, каждый по мере своих возможностей, пересказывали содержание книги и разбирали «положительные и отрицательные» образы, причем делали это не столько с целью разбора, сколько в рамках какой-то конкретной ситуации, чтобы глубже понять и книгу, и жизнь, сколько с целью вынести «соответствует ли герой некоему идеальному образу и в какой степени соответствует». Слово вышел человек на колхозный базар, перед ним горой лежат крупные и мелкие арбузы, и он, бедняга, немного растерявшись в этом обилии, никак не может выбрать себе подходящий... Стучит арбуз об арбуз, подносит к уху, пытается услышать хруст, а тем временем лукавый продавец, улыбаясь в усы, рассказывает «положительные и отрицательные» арбузы по полочкам...

Правильно ли отражен в книге тот «жучок жизни», что описывается? Каковы «исходные позиции» автора, какими средствами он достигает своей цели? Все эти вопросы оставил без вразумительного ответа. А уж об эстетическом удовлетворении от книги ораторы совсем не обмолвились. Рассуждали, наверное, про себя: «Разве книгу читают для удовольствия? Смешно! Книгу читают, чтобы разбираться, где должны стоять «положительные» и где «отрицательные» персонажи...»

Я сознательно сгустил краски, чтобы напомнить старую истину: нередко же мертвые хватают за фалды живого. Признав давно зарытого в землю «социологизма», еще нечетко, а дает о себе знать. Конечно, теперь никто не позволит наклеивать на великого Пушкина ярлык «авторский писатель». А мы, татары, обуреваем своего Тукая от таких определений, как «мелкий буржуа» и т. д. Но от остатки вульгарно-социологического под-

ход к явлениям искусства еще не взяты. Нет. И тут они, эти остатки, к читателю не откуда-нибудь, а из нашей критики.

Журналы часто бывают бедны обстоятельными критическими статьями. Отделы критики и библиографии заполняются мелкими, наспех написанными рецензиями и аннотациями, далекими от подлинного эстетического анализа. В статье о романе А. Абсаямова «Неугасимые огни» критик М. Гайнуллин, например, подробно остановился на общем значении этого произведения, в котором освещена жизнь современного рабочего класса, показана борьба за поднятие производительности труда и освоение новых методов производственной техники... Конечно, анализ тем и идей романа — первейшее дело критика, но ведь он, критик, делает это по-своему, приемами эстетического анализа. Плохо, если критик говорит о «красной нити» идей, не объясняя при этом, какими художественными путями проходит эта «красная нить», какие человеческие судьбы развертываются в романе, какое, в результате, эстетическое наслаждение может доставить нам новая книга.

После этого стоит ли обижаться на тех библиотекарей и преподавателей-словесников, которые обращались с литературными образами, как с арбузами. Учлись-то эти преподаватели и библиотекари у профессоров, пример-то берут с критиков-профессионалов.

Стоит ли обижаться на стрелочников, когда находишься у руля литературного «локомотива» солидные машинисты-критики, дискутируя о том, какой должна быть наша сегодняшняя критика, ничего не говорят или слишком робко говорят об одной из самых существенных задач критики: об анализе произведений с точки зрения эстетических законов?

Проблема прекрасного — живая, практически острая, назревшая проблема: будущее начинается сегодня... Вот почему радует нас то, что журнал «Октябрь» издавал дискуссии о проблемах эстетики — «Пора!»

Об этом говорит читатель. Вот как он понимает проблему — приведу выдержку из открытого письма читателей Ивановского района, Брестской области, написанного от имени 19 тысяч человек: «...Мы хотим, чтобы после каждой прочитанной книги становилось еще интереснее и радостнее жить, чтобы веселее было работать, мы хотим, чтобы каждая прочитанная книга помогала нам избавиться от недостатков, делала наши глаза более зоркими, а сердца открывала для восприятия прекрасного.»

Да, книга должна учить читателя понимать прекрасное. А судить героя с точки зрения красоты невозможно, не судя его с точки зрения добра. Проблема прекрасного — это категория чисто эстетическая — это категория гражданская. Прекрасное сейчас далеко не абстрактное понятие. Прекрасное реально, оно рядом с нами, оно в нашей жизни, оно в нас самих. Надо уметь увидеть его и воплотить в эстетически совершенной форме.

Я вспоминаю в этой связи маленький очерк молодого татарского писателя Г. Ахунова «Гурты на дорогах и нефтяной глыбе». Неугомонный, немного чудачковатый попинок Халилов благополучно пригнал свое стадо из глубинных районов в Казань. Но в городе из-за перегруженности холодильника его заставляло несколько

дней ждать. Легко сказать: с большим стадом ждешь в условиях города! Представьте, как всплеск человек! Однако впереди его ждала еще одна неприятность. Задержка в городе обостряла недоброе впечатление от поездки. «Ничего», спешим — равнодушно замечает Халилов бухгалтер. Вот это равнодушно обреченное «ничего», спешим» окончательно выводит Халилова из терпения. Не сумев доказать бюрократу, что значит пятипроцентная потеря, со зла Халилов хватает огромного племенного жеребца и вводит прямо в кабинет бухгалтера. Дескать, смотри, чурбан: пять вот таких жеребцов стоит она, эта пятипроцентная потеря!

И смешно, и немного грустно, и — прекрасной Маленький человек, угловатый и горячий в своих поступках, ведет себя как настоящий хозяин жизни, всем себе не навидит равнодушных.

Разве мало у нас таких «горячих голов»? Их неутомимый полум — это не один из источников прекрасного? «Для чего читают люди, для чего они дают деньги и славу за книги? — спрашивает Л. Толстой и отвечает: — Люди хотят быть счастливыми; вот общая причина всех деяний.»

При разборе книги критик всегда должен иметь в виду и вопрос о том, какую радость приносит читателю общение с героиней-книгой. Ибо творческий труд советского человека вместе с другими большими правами имеет право и на эстетическое наслаждение, на высокое чувство прекрасного. КАЗАНЬ

Вдохновенная поэзия труда

он не выдумывал неведомые звуки, не изобретал неслыханных языков. Как и любой подлинный новатор, он отвергает всякую «заумь», искал и находил для выражения приспосабливал в поэзию наиболее доходчивую форму, стремился разговаривать с народом на поэтическом языке самого народного поэта. А такую форму нельзя было создать без учета опыта русской классической поэзии, и особенно поэзии декадентской. Поэтому молодому Исаковскому было органически чуждо инглистическое отношение к классическому наследию, столь характерное для некоторых поэтических школ и школ... В современной поэзии М. Исаковский ориентировался на реалистическое течение. Свои стихи он выработывал, внутренне полемизируя даже с наиболее близким ему по духу С. Есениным, который, порвав к тому времени с имажинизмом, все больше утверждался на реалистической позиции, шел в поэзии к классической, пушкинской ясности, стараясь стать «певцом и гражданином», чтобы быть «настоящим, а не сводным сыном — в великих штатах СССР».

Влияние гуманистической, глубоко национальной лирики С. Есенина на раннего Исаковского не могло не быть плодотворным, хотя некоторые мотивы этого замечательного поэта были, безусловно, чужды Исаковскому. Ведь С. Есенин все-таки оставался еще, по своему собственному признанию, одной ногой в прошлом, а М. Исаковский был весь устремлен в будущее.

И то, что некоторым критикам казалось у молодого поэта проявлением местной, провинциальной ограниченности, на поверку оказалось выражением конкретных связей с советской действительностью.

Говорят, чтобы лучше понять поэта, надо побывать на его родине. Это, безусловно, правильно, но в том смысле, что родная сторона со всеми особенностями ее быта и пейзажа, где рос и формировался поэт, на всю жизнь остается питательной почвой для его творчества.

Это, конечно, совсем не значит, что поэт не может выходить за пределы своей околины и должен ограничиваться узким кругом так называемых краевых тем и мотивов. В таком случае творчество его имело бы только частный, этнографический интерес. Наоборот, подлинный поэт всегда стремится расширить круг своих наблюдений, разнообразить темы и мотивы. Он живет общими интересами своей страны, всей своей родниной.

Но совершенно очевидно, что чем органичнее поэт связан с родным краем, тем больше у него конкретных деталей и свежих неповторимых красок для изображения общих процессов и явлений, следовательно, тем ярче и убедительнее его произведения.

Именно таким поэтом и является Михаил Исаковский. Источники его творчества самыми разнообразными узлами связаны со Смоленщиной. Но любой уголок, любую деревню он показывает так, что за ними чувствуются все необъятные просторы Советской страны.

Уже его первая книга «Провода в солдате» была не только заявкой поэта, но и крупным явлением советской поэзии, разбравшая целую группу поэтов, разбравшая в том числе и на такого крупнейшего мастера, как А. Твардовский.

С той поры М. Исаковский всей своей работой утверждает высокое и ясное искусство, доступное и необходимое самым широким кругам читателей, близкое как высококвалифицированному интеллигенту, так и рядовому колхознику, то есть искусству народное.

Содержательная простота всех его лучших стихов, их покоряющая сердцем естественность рождалась из страстной заботы о ясности и простоте, которую никогда не покидает чувство ответ-

НОВЫЕ СТИХИ

Расул ГАМЗАТОВ

РОДНОЙ ЯЗЫК

Всегда во мне нелепо все и странно. Приснилась мне сегодня смерть моя. В полдневный жар в долине Дагестана С свинцом в груди лежал недвижим я.

Звенит река и пролетает мимо. Забытый и ненужный никому, Лежу я на земле своей родимой. Пред тем, как стать землею самому.

Я умираю, но никто про это Не знает и не вянют ко мне, Лишь в вышине орлы клекочут где-то, И стонут лани где-то в стороне.

И чтобы плакать над моей могилкой О том, что я погиб во двете лет, Ни матери, ни друга нет, ни милой, Чего уж там, и плакальщицы нет.

Так я лежал и умираю в бессилье, И вдруг услышал, как недалеко Куда-то люди шли и говорили На мне родном, аварском языке.

В полдневный жар в долине Дагестана Я умирал, а люди речь вели О хитрости каково-то Гасана, О выходах каково-то Али.

И смутно слыша звук родимой речи, Я оживал, и вдруг в какой-то миг Постиг, что от всего меня влечет Не врач, не знахарь, а родной язык.

Кого-то исцеляет от болезней Другой язык, но мне на нем не жать. И если завтра мой язык исчезнет, То я готов сегодня умереть.

Я жизнь люблю, люблю я всю планету. В ней каждый, даже малый уголок, А более всего — Страну Советов, О ней я по-аварски пел, как мог.

Мне дорог край цветущий и свободный, От Балтики до Сахалина — весь. Я за него погибну где угодно, Но пусть меня зароят в землю здесь!

Чтоб у плиты могильной близ аула Аварцы вспоминали некогда Аварским словом земляка Расула — Преемника Гамзата из Цада.

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Капают дождик, все капают, капают, Капают на погултые ветки. Падают листья, все падают, падают. Листья на ветках и желтые, и редки.

Ветер осенний солидным хозяином Гонит я с воем, и с хохотом взаперть Спрят непрошенных и неприкаянных Прочь со дворов вдоль по улице нашей.

Их проходящие топчут галошами, Топчут подошвами в глине и в яле.

Люди забыли, как много хорошего Им эти листья весною дарил.

Новые листья — я знаю — аважуется. Почки набухают, как в прошлые годы. Так почему же мне многое кажется Несправедливым в законах природы?

ВОН У ТОГО ОКНА

— Ты где, мое сердце, дай мне ответ? — Вон у того окна! В груди моей пусто, сердца там нет, В груди моей боль одна.

— Где вы, мечты мои светлые, где? — Вон у того окна! За моим окном человек в беде, Комната холодна.

— Где вы, где вы, мои глаза? — Вон у того окна! В пустынях глядища моих слеза, Горюча и солона.

В чьем вы томитесь плену? Строчки мои, вы летите куда? — Мы вон к тому оку!

— Где вы, мои мысли, и ночью, и днем? — Вон у того окна! — А кто обитает за тем окном? Двое: муж да жена.

— Он да она, а я здесь при чем? — Вышла мне знакомая она... Я, бывало, разбуженный первым лучом, Глядел из того окна.

Перевел с аварского Н. ГРЕБНЕВ

Вдохновенная поэзия труда

(К шестидесятилетию со дня рождения М. В. Исаковского)

Выдающийся русский советский поэт-лирик Михаил Васильевич Исаковский ступил на порог шестидесятилетия. И хотя он давно уже, гораздо раньше того, как покинул Смоленские края, где родился, рос, учился и трудился, — давно уже перестал быть «смоленским» поэтом, — вместе с моими земляками, естественно, испытываю в этот день особый чувственный интерес к поэзии этого замечательного поэта. Эта наша смоленская сторона, милая родная земля, скромная и непритязательная в ряду других разнообразных краев родной великой Советской Родины, — взрастила один из самых замечательных талантов, составляющих славу и гордость нынешней отечественной поэзии. И нам, землякам Михаила Васильевича Исаковского, имеющим на него, так сказать, особые права, вместе с тем дорого и радостно, что день рождения поэта отмечает вместе с нами миллионы его читателей и почитателей по всем городам и селам страны и далеко за ее пределами.

Шестидесятилетие — дата серьезная, однако вполне еще позволяющая ожидать от зрелого мастера новых созданий его бесценного дара. У поэта нет возраста, истинный поэт — ровесник всем поколениям — и своему собственному, и своим внукам.

А самое главное, время — время великих и радостных свершений родного народа, его исторического творчества — не позволяет стареть, мелодит и придают нам силы — всем, кто верен ему разумом и сердцем.

Доброго здоровья, новых счастливых замыслов и успешных трудов, дорогой друг!

А. ТВАРДОВСКИЙ

он не выдумывал неведомые звуки, не изобретал неслыханных языков. Как и любой подлинный новатор, он отвергает всякую «заумь», искал и находил для выражения приспосабливал в поэзию наиболее доходчивую форму, стремился разговаривать с народом на поэтическом языке самого народного поэта. А такую форму нельзя было создать без учета опыта русской классической поэзии, и особенно поэзии декадентской. Поэтому молодому Исаковскому было органически чуждо инглистическое отношение к классическому наследию, столь характерное для некоторых поэтических школ и школ... В современной поэзии М. Исаковский ориентировался на реалистическое течение. Свои стихи он выработывал, внутренне полемизируя даже с наиболее близким ему по духу С. Есениным, который, порвав к тому времени с имажинизмом, все больше утверждался на реалистической позиции, шел в поэзии к классической, пушкинской ясности, стараясь стать «певцом и гражданином», чтобы быть «настоящим, а не сводным сыном — в великих штатах СССР».

Влияние гуманистической, глубоко национальной лирики С. Есенина на раннего Исаковского не могло не быть плодотворным, хотя некоторые мотивы этого замечательного поэта были, безусловно, чужды Исаковскому. Ведь С. Есенин все-таки оставался еще, по своему собственному признанию, одной ногой в прошлом, а М. Исаковский был весь устремлен в будущее.

И то, что некоторым критикам казалось у молодого поэта проявлением местной, провинциальной ограниченности, на поверку оказалось выражением конкретных связей с советской действительностью.

Говорят, чтобы лучше понять поэта, надо побывать на его родине. Это, безусловно, правильно, но в том смысле, что родная сторона со всеми особенностями ее быта и пейзажа, где рос и формировался поэт, на всю жизнь остается питательной почвой для его творчества.

Это, конечно, совсем не значит, что поэт не может выходить за пределы своей околины и должен ограничиваться узким кругом так называемых краевых тем и мотивов. В таком случае творчество его имело бы только частный, этнографический интерес. Наоборот, подлинный поэт всегда стремится расширить круг своих наблюдений, разнообразить темы и мотивы. Он живет общими интересами своей страны, всей своей родниной.

Но совершенно очевидно, что чем органичнее поэт связан с родным краем, тем больше у него конкретных деталей и свежих неповторимых красок для изображения общих процессов и явлений, следовательно, тем ярче и убедительнее его произведения.

Именно таким поэтом и является Михаил Исаковский. Источники его творчества самыми разнообразными узлами связаны со Смоленщиной. Но любой уголок, любую деревню он показывает так, что за ними чувствуются все необъятные просторы Советской страны.

Уже его первая книга «Провода в солдате» была не только заявкой поэта, но и крупным явлением советской поэзии, разбравшая целую группу поэтов, разбравшая в том числе и на такого крупнейшего мастера, как А. Твардовский.

С той поры М. Исаковский всей своей работой утверждает высокое и ясное искусство, доступное и необходимое самым широким кругам читателей, близкое как высококвалифицированному интеллигенту, так и рядовому колхознику, то есть искусству народное.

Содержательная простота всех его лучших стихов, их покоряющая сердцем естественность рождалась из страстной заботы о ясности и простоте, которую никогда не покидает чувство ответ-

рит только об одном — о плохом знании творчества одного из крупнейших мастеров советской поэзии. Уже в конце двадцатых годов М. Исаковский смелого ломает метрические схемы классического стиха, вводит «двоячную строку», дающую ему большую глубину дыхания. Яркий пример этого — «Заветы» к поэме «Четыре желания», являющийся, на мой взгляд, одной из самых ярких вещей в его лирике:

Весной по лесам зашумели зеленые венчики, Густые и солнечные травы сушили богатый покос. Весной из какой-то чудесной страны принесли корыбейники Лилые ленты для девичьих кос.

Эта двоячная строка очень характерна для многих стихов М. Исаковского. Конец двадцатых и начала тридцатых годов в том числе и начала наиболее характерных для него, как «В заштатном городе». Впоследствии эти находки М. Исаковского стали широко использоваться не только в русской, но и в белорусской поэзии, например у А. Кулепова и его поэмах.

Большое своеобразие стиху М. Исаковского придает типическое для него сочетание разговорных и песенных интонаций, умелое использование в лирике сугубо прозаических оборотов, канцеляризм, подчас даже теперь многих поэтов. Сергей Смирнов, например, является в этом смысле его верным учеником.

Критика наша вообще в большом долгу перед М. Исаковым. Во многом это, бывало, несправедливо, ругая, а в годы возродившей славы порой не только хвалили, поднимая далеко не лучшие его стихи, не замечая подлинных находок только потому, что эти находки не укладывались в схему. Так, кто-то в свое время подверг острелу замечательное драматическое стихотворение «Враги сожгли родную хату...».

Песни М. Исаковского, получившие невиданную в истории нашей литературы популярность среди самых широких слоев народа, — совершенно особая и большая тема. Мне бы хотелось только указать на одно, очень существенное, на мой взгляд, обстоятельство, на которое, насколько мне помнится, никто из писавших о творчестве этого поэта не обратил внимания. Я имею в виду его близость не только к русской, но и к белорусской и украинской песенным традициям. Слияние этих славянских традиций накладывает своеобразный отпечаток на все народное творчество Смоленщины, где вырос и сформировался чудесный писатель советского народа — Михаил Исаковский.

На МОСКОВСКОЙ квартире поэта нередко можно встретить с деревенскими гостями. Это и учителя, и агрономы, и председатели колхозов, и бригадиры. Попада в студию, они считают своим долгом навестить земляка-поэта, рассказать ему, что делается в его родных местах, поделиться с ним своими радостями и заботами.

Такие родственные отношения большого художника слова со своими земляками как бы символизируют кровную связь всей нашей литературы с жизнью народа.

Нельзя не сказать и еще об одной существенной стороне творческой деятельности М. Исаковского — о его обязательной помощи молодым литераторам.

Я очень хорошо помню, как тянулись и мною поэтическая молодежь в Смоленске, где он был для всех нас не только доброжелательным и высказывающимся учителем, но и другом, подававшим пример общественной скромности, принципиальности и требовательности к себе. Мы знали, что при всей мягкости его характера услышать от него похвалу не так-то просто, но зато как гордились мы его одобрением!

Меня всегда больше всего трогало в нем то, что человек весьма определенных поэтических воззрений, он никогда и никому не навязывал своих личных вкусов, глубоко уважал творческую индивидуальность каждого поэта. В этом, казалось, вернотню, выработанный им еще в юности незаурядный педагогический такт.

Но я не знаю ни одного случая, когда бы он простил кому-нибудь фальшь, поэтическое баловство, пустую игру в слова.

Его отношение к поэтической молодежи — это отношение мастера, глубоко сознающего свою личную ответственность за будущее нашей поэзии. Ему органически претитmentorское заигрывание с молодежью, стремление снисходить к ней, снисходительность. Но именно поэтому к нему и тянется одна из величайших поэтических сил нашего времени — поэзия молодых поколений, поэзия не покоящихся на нем, ни друг на друга, с гордостью называют его своим учителем, А это большая честь для мастера.

Спутники наших книг

НАША литературная печать не раз обращала внимание на такой важный жанр, как предисловие к художественному произведению. Книгу нужен добрый и умный спутник! Нужны статьи, помогающие широкому кругу читателей ближе познакомиться с теми, кто создает книгу. Исключительный смысл приобретают критические статьи-предисловия, предваряющие каждый новый выпуск «Роман-газеты» — этого популярного издания, призванного публиковать лучшие произведения современной прозы как советских, так и зарубежных художников, вести своеобразное исследование состояния современной литературы, воспитывать эстетические вкусы массового читателя.

Легко представить, сколь ответственна задача автора предисловия в «Роман-газете», обязанного на площади одной книжной странички не только рассказать об авторе, его творчестве, его книге, но и увлечь читателя этой книгой (ведь не секрет, что интерес к новому произведению порой зарождается с интересом написанному предисловию). Выполнить подобную задачу под силу лишь подлинному мастеру критической «новеллы».

Разбор статей-предисловий в «Роман-газете», состоявшийся недавно в Гослитиздате, перерос в серьезный разговор о значении малой критической формы повествования. Выступившие на заседании писатели, критики и редакторы Б. Ильинков, В. Дорофеев, И. Юзлов, М. Пархоменко, Т. Семущин, А. Андреев, С. Кирьянов, И. Алатырских, В. Сугоняй, В. Солоухин, А. Дремов

подчеркнули насущную необходимость всемерно развивать этот жанр, рассчитанный на миллионы читателей. Будь то предисловие к новой книге, или газетная рецензия, или журнальная аннотация... — в любом случае авторы их обязаны помнить о массовом читателе, писать ярко, увлекательно, глубоко. И лаконично!

Отметив, что тип критического предисловия в «Роман-газете» в общих чертах сложился, что за последнее время в его становлении приняли участие многие советские литераторы — Ф. Панферов, М. Стелмахов, В. Герасимов, Н. Грибачев, Т. Трифонова, В. Смирнов, В. Кочетов, Е. Сурков, Г. Марков, А. Казанцев, В. Полторацкий, В. Фролов и другие, — участники совещания в Гослитиздате предметно обсудили проблемы жанра критической миниатюры, которая должна стать более разнообразной по форме, более убедительной по содержанию, полнее отвечающей уровню современной критической мысли.

50-летие Аду Хинта
Исполнилось 50 лет со дня рождения и 25 лет литературной деятельности видного эстонского писателя Аду Хинта. Правление Союза писателей СССР сердечно поздравило юбиляра. «Вашем лице мы приветствуем талантливого писателя, большого мастера эстонской литературы».

Глубокий интерес к судьбам народа и его истории, тесное общение с людьми труда — вот что отличает Вас как писателя. Ваша зпелая о борьбе эстонского народа за Советскую власть — «Берег ветров», две первые книги которой хорошо приняты читателями, являясь выдающимся вкладом в эстонскую и всю многонациональную советскую литературу.

Заслуженной популярностью пользуются также и Ваши пьесы о рыбаках Тегерана, очерки о людях труда республики, содержательные и интересные книги для юношества.

Вместе с нашими дружескими поздравлениями в День Вашего славного юбилея примите сердечные пожелания крепкого здоровья, творческих удач, новых талантливых книг.

ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ В ОРЛЕ

В Орле создано отделение Союза писателей РСФСР, объединяющее литераторов Орловской и Брянской областей.

На организационном собрании, в котором приняли участие и представители общественности, выступил секретарь правления Союза писателей Российской Федерации Н. Рыленков. Избранное бюро отделения.

Секретарем Орловского отделения Союза писателей РСФСР избран В. Мидьяков.

МЫСЛИТЬ ПО-НОВОМУ!

ВТО ВРЕМЯ как из Москвы прозвучал зовый призыв к разоружению в западных странах раздаются голоса, настаивающие на дальнейшем вооружении, на дальнейших испытаниях ядерного оружия. В Соединенных Штатах военные «стратегы» ратуют за строительство «семейных убежищ, защищающих от радиоактивных осадков». Эти «стратегы» заявляют, что «самое существование нации, возможно, зависит» от того, удастся ли в ближайшие год-два уточнить размеры советской военной мощи и нанести на карту расположение войск и военных объектов в Советском Союзе.

Седрик БЕЛФРЕДЖ,
английский публицист

Все это тревожит широко публику, и не без основания. Но в то же время никогда еще с самого начала «холодной войны» не было столь явных признаков, свидетельствующих о тенденции противоположного характера, то есть о стремлении к благоприятному и мирному сосуществованию.

Об этом свидетельствуют уважительный тон, в котором печатно откликается на смелые предложения г-на Хрущева по разоружению; недавние выступления в Англии против ядерного оружия — их участники, как известно, проявили готовность пойти в тюрьму за свои убеждения; огромный успех американского фильма «На берегу» и редакционные статьи таких газет, как «Обсервер», серьезно занятых поисками выхода из состояния международной напряженности.

Два фактора заставили англичан понять, сколь бредовы нынешние призывы к усилению и усовершенствованию оружия, призванного устрашить противника. Первый из факторов — новая вспышка антисемитизма в Западной Германии. Она показала, что страной, ставшей главным бастионом западной обороны на европееком континенте, управляют сейчас те же самые кровожадные агрессоры, которые двадцать лет тому назад чуть не разделили Англию. Как правильно отметил лондонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», результатом этих событий явилось резкое усиление протеста в самых различных политических кругах Англии против оснащения Западной Германии ядерным оружием.

Другой фактор, заставивший широкую публику усомниться в нормальности тех, кто ратует за политику «успокоения противника», — это позиция США, выступающих против международного соглашения о прекращении ядерных испытаний на том основании, что подземные ядерные взрывы нельзя обнаружить, в силу чего они, возможно, будут продолжаться.

Ведущие ученые — как английские, так и американские — указывали, что для таких подземных взрывов потребовалось бы вырыть камеру, где использовался бы десяток нью-йоркских небоскребов.

СВАСТИКА В АДЕНАУЭРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Пьер ДЮРАН,
французский публицист

«Вновь доказано, что справедливость торжествует»

В Байерслаутерне ударили первые морозы. Рекой течет пиво, вино и поддельный коньяк в местной «вайнштубе» — задымленной погребке. Сюда набилось столько посетителей, что лишь с трудом удается протиснуться между столиками...

Странные здесь гости. Бритые черны или длинные волосы а ля «ваккинг». Взявшись под руки и медленно раскачиваясь на своих стульях справа налево и слева направо, они горланят старые немецкие военные песни. Все помещение словно превратилось в какой-то пьяный корабль, плывущий по туманному морю.

Адольф фон Талден (бывший руководитель «гитлер-югенда») отодвигает бокал и поднимается. Точно по мановению волшебной палочки, качка корабля прекращается.

«Коллеги по партии, — говорит он, — за нами следят, нас подслушивают, хотят найти повод для роспуска нашей партии. Предупреждаю вас: тот, кто скажет или сделает что-нибудь, способное нанести вред нашей партии, будет отвергнут как компрометирующий нас человек».

Вальтер Мейнберг, 62 лет, бывший группенфюрер СС, почетный генерал, один из главных руководителей германской имперской партии, одобрительно кивает головой. Бурей аплодисментов встречают собравшиеся его сообщение о том, что трибунал Байерслаутерна отменил запрет публичных манифестаций, предусмотренных в связи с партийным съездом: «Дорогие мои! Вновь доказано, что справедливость торжествует».

Ночь опускается на город. Стены домов покрываются свастиками. С песнями проходит по улицам участники съезда этой официальной фашистской партии.

Прогнувшись поутру, жители Байерслаутерна находят в своих почтовых ящиках листовки с требованием реабилитации военных преступников.

«Мы примем меры»
И был в Берлине в прошлую среду, когда в различных районах западной части города собрались антифашисты, полные решимости завязать гневный протест против антисемитских и фашистских призывов этих организаций. В Вединге, Шарлоттенбурге и Шенеберге выступили сотни людей. Они скандировали демократические лозунги, требуя от властей принятия мер против гитлеровских последователей.

Появились западноберлинские полицейские. Они атаковали демонстрантов и расценили их.

В то же время чьи-то «тайные» руки испещрили свастиками вокзалы наземного метро.

«Мы примем меры», — заявил социал-демократический бургомистр Западного Берлина.

И только один-единственный приговор: десять месяцев тюрьмы...

НАЗИДАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Фотомонтаж А. Житомирского

«Вновь доказано, что справедливость торжествует», — как сказал бы генерал войск СС Мейнберг. Уж он-то довелся.

Макс Мертен, прокурор Западного Берлина, несет ответственность за высылку в период 1941—1944 гг. 10 000 евреев, греков, польских, несколько лет назад Мертен был оправдан и оставлен на своем высоком посту. При этом было заявлено, что «он правильно выполнял свой долг».

Что ж, все понятно!

Канцлер спрашивает: что, если бы мы начали войну с русскими!

Это было в прошлую пятницу, в Дюссельдорфе. В зале суда, выдержанном в бисмарковском стиле, продолжается процесс против семи активных деятелей движения за мир (в числе обвиняемых два протестантских священника). За судейским столом — огромный черный кресел.

В чем же обвиняют подсудимых? «В поддержке политики Советского Союза». Чем же они ее поддерживали? Тем, что высказывались против перевооружения Германии, против милитаризма, против возрождения нацизма. А каковы доказательства? Как же — ведь в движении за мир участвуют и коммунисты...

К перерывке, отходящей судей от публики, подходит свидетель защиты. Это не первый встречный. Перед судом стоит старик, 1-й Эльфес, один из членов-учредителей Христианско-демократического союза, партии Аденауэра. Отличный оратор, он лет доказывает в течение трех часов и затопит председателя суда в безудержный туник.

«Я далек от коммунизма», — говорит он. — Но чего же мы в конце концов хотим? Мира или войны? Если мы хотим мира, то нет иного пути, как договориться с СССР, с коммунистами».

Возражает полная тишина, и д-р Эльфес рассказывает:

«Это было в 1948 году в новгородский праздник. Втроем ял четвертом мы сидели с 1-м Аденауэром за бутылкой рейнского вина. Внезапно Аденауэр спросил меня: «Как вы относитесь к тому, чтобы мы начали войну с русскими?»

Сообщение повстало сенсационно. Председатель становится красным, как рак.

Два дня спустя голландский еженедельник «Эльзевирс веекблатт» опубликовал интервью с Аденауэром: «Мирное существование между народами, отличающимися совершенно различными взглядами, представляется иллюзией, которая — увы! — все еще находит себе слишком много приверженцев... Политика должна следовать за действиями в духе здравого реализма. Поскольку конечные цели не могут быть достигнуты, следует довольствоваться тем, что возможно немедленно, а в остальном рассчитывать на будущее».

Что ж! Язык Аденауэра становится все более ясным.

По стопам гитлеровцев
Волна нацистских манифестаций, прокатывающаяся сейчас по Западной Германии, не может рассматриваться как изолированное и случайное явление. Это признак, а вместе с тем и средство вполне определенной политики.

Антисемитские вылазки в Западной Германии — не новость. Кое-кто пытался заставить всех людей мира поверить, будто аденауэровское правительство было захвачено врасплох появлением свастик на стенах синагог и домов Западной Германии. Это ложь! Во-первых, потому, что явление это не новое, сейчас оно только достигло своего апогея; во-вторых, потому, что оно — прямое следствие политики, проводимой на протяжении многих лет властями Западной Германии. Что по-своему, то и по-прежнему!

Человек, который говорил со мной, — я не называю его имени — некоторое время тому назад позвонил с трибуналом Федеративной Германии. Да, он совершил преступление. Оно заключается в том, что он протестовал, когда, бывшие нацисты захватили руководящие посты в государственном, осуждал вооружение бундесвера атомным оружием. Да, верно — «рецидивист» двенадцатилетнее пребывание в

гитлеровских тюрьмах и концлагерях отбывал свой срок...

Боннское правительство не стремится по-настоящему пресечь активные действия нацистов. Громы и молния направлены исключительно против коммунистов и всех тех, кто выступает против милитаризма, фашизма и подготовки реваншистской войны.

Н для кого не секрет, что большинство министров и высших чиновников аденауэровского режима — бывшие крупные нацистские деятели. На руках более тысячи прокуроров и судей боннского правосудия кровь антифашистов. Генеральный прокурор Франкфурта Отто Швайнберг несет ответственность за убийство большого числа евреев. Во время войны он по праву получал похвалы и поощрения от своих вышестоящих, что было «отличным выражением идей национал-социализма и милитаризма».

Некоторые партии и их ставленники
Доктор Аденауэр и его правительство жалуются:

«Конечно, мы очень хотели бы принять меры против неофашистской деятельности. Мы только этого и хотим. Однако мы не знаем, где искать виновных. Мы ищем их, успокойтесь. Мы все время ищем их. И в конце концов мы их найдем...»

И при этом бойко подмигивают реакционерам...

Если г-н Аденауэр «не знает» гитлеровских организаций, которыми кишит Западная Германия, то только потому, что он не хочет их знать. Почему — это мы увидим позднее.

А сейчас мы в меру наших скромных сил попытаемся прийти ему на помощь. Вот некоторые сведения, которые должны удовлетворить его, если он действительно намерен бороться против фашизма.

Начнем с германской имперской партии (ДП). Боннское правительство утверждает, что как долго оно еще сумеет настаивать на этом? — что никак нельзя на законном основании запретить эту партию. Председатель партии — тот же Мейнберг, бывший группенфюрер СС, входивший в личную гвардию начальника гестапо Гиммлера. Его заместителем — Адольф фон Талден, в прошлом офицер танковых войск, один из притеснителей оккупированной Польши. В числе наиболее известных деятелей ДП — приятель Гитлера Рудель, награжденный рыцарским крестом «за выдающиеся военные успехи».

Официально признана также партия «Дейче геймейншафт» («Германское общество»), во главе которой стоит бывшая руководительница гитлеровских организаций для девушек Рената Маллухе.

За «Германским обществом» идет «Немецкая блок». В этой партии объединены бывшие военные кадры и боевые группы во главе с неким Мейснером.

Официальная цель, провозглашенная «Немецким блоком»: создать «ударную силу», которая в соответствующий день будет брошена против «большевизма», демократии и всего того, против чего боролся Гитлер.

Закоренный гитлеровец Отто Штраусер ныне руководит шестью нацистскими организациями, отлично известными каждому немцу.

Известный нацист Ноахим фон Остен-Сколотта около тридцати организаций, которые открыто провозглашают гитлеровские лозунги. Один из главнейших деятелей — нацист Фриц Клоппе, который в гитлеровские времена уже руководил рядом милитаристских и фашистских организаций.

Один из бывших главнейших нацистской партии, некто Диль, создал молодежную организацию под названием «Дейчсоциалистический юнгштурм» («Боевая организация немецкой социалистической молодежи»).

Все члены которой носят черную рубашку, введенную в употребление молодчиками Муссолини. Заместителем Диль является некто Цишман. Он также играл видную роль в организациях «гитлеровской молодежи», а затем активно участвовал в деятельности фашистской подпольной организации «Вервольф» («Оборотень»).

Бывший вассалец Гюнтер Гесдер также создал свою фашистскую молодежную организацию. Вот ее девиз: «Мы усматриваем свою высшую честь в верности, в верности своей родине, простирающейся не только от Рейна до Эльбы, но и от Мааса до Мемеля».

Они готовят реванш
По официальным данным, ныне существует значительное число реваншистских организаций, предназначенных для молодежи, не достигшей двадцатилетнего возраста. Эти организации насчитывают около 20 тысяч человек. Систематически проводятся настоящие военные маневры. Каждая боевая группа имеет свое символическое название: «Гудерман», «Ульрих фон Гуттен», «Шлагетер», «Соколы». Эти организации издали свои газеты, которые легально продаются повсюду в Западной Германии. Одна из этих газет недавно с восхищением описывала успехи ударной группы «Шлагетер», «первые во время маневров испробовавшие пулеметы».

Все эти организации впускают молодежь, что Гитлер спас Германию от «демократического вырождения», от «еврейства» и «большевизма». Они убеждают молодежь в том, что молодые германские патриоты должны приветствовать выдвижение доложу Фюрера, который станет во главе рейха и обеспечит реванш Германии над ее вчерашними победителями.

Следовало бы добавить к этому далеко не полному списку, что в Западной Германии насчитывается более тысячи (я утверждаю, более тысячи) организаций, объединяющих бывших асовоцев и солдат вермахта. Повсюду эти организации возглавляют высокопоставленные гитлеровские офицеры. Каждая из организаций издает свою реваншистскую, милитаристскую газету и открыто выступает за реабилитацию военных преступников, проповедует антисемитизм и антикоммунизм. Все эти организации к тому же создают специальные секции для молодежи, всячески стараются воспитать молодое поколение в традициях прусского милитаризма и нацистской политики.

Если канцлеру Аденауэру действительно неизвестны эти факты, — что, право, весьма удивляет нас, — мы рекомендуем ему обратиться к его собственному военному министру Штраусу, который представит ему полную информацию на этот счет, поскольку этот министр полностью в курсе дела.

ПАРНИК

«Грязная игра господина Фокеля»
ПРИБЛИЖАЕТСЯ срок встречи в верхах. Главы правительств должны обсудить важнейшие нерешенные проблемы, от которых зависит мир и спокойствие человечества. Народы возлагают большие надежды на это совещание. Но чем оно ближе, тем больше нервозность проявляет боннская дипломатия. Западногерманские реваншисты бьются за возможность нормализации положения в Берлине. Они хотят бы сохранить в западной части города очаг агрессии и реванша.

Вход пушено еще. В будущем за антисоветскими речами выступают представители правящей партии ХДС. Представители Германии с призывами к войне против Советского Союза разжигают матерый поджигатель Вильям Штумпел. Наконец, в ядре официальных выступлений представитель ФРГ поводитися с позволения сказать «правовая база» под пребывание органов ФРГ в Западной Берлине.

Недавно в Западной Берлине выступил некий Фокель, официальный представитель правительства ФРГ. «Органы правительства Федеративной Республики Германии», — нагло сказал он, — находятся в Западной Берлине по праву. Они и в коей мере не нарушают четырехсторонний статус Берлина». Фокель договаривается до того, что именно это было бы закономерно после войны на четырехсторонних соглашениях великих держав. Стараясь, чтобы это звучало менее смелостворно (к моменту окончания войны, как известно, не существовало ни ГДР, ни ФРГ), встает и другие западногерманские деятели: государство-правовые отношения между Бонном и Западной Берлином развиваются с ведома западных держав, а следовательно, — это они и пытаются доказать, — западные державы не свободны в переговорах с Советским Союзом относительно положения в Берлине.

Нет, господин Фокель не силен в вопросах международного права. Четыре великие державы действительно по праву оккупировали Берлин: эти державы — Советский Союз, США, Англия и Франция. Но при чем тут ФРГ? Никаких прав у Боннского правительства на Берлин нет. К тому же не мешает вспомнить, что Западный Берлин находится на территории другого государства — Германской Демократической Республики. Асудритель притязаний Фокеля и тех, кто стоит за ним, ясно каждому здравомыслящему человеку. Зачем же немецкой общественности преподносятся подобная чушь?

Боннские правящие круги преследуют совершенно определенную цель: они хотят обострить обстановку в Западной Берлине накануне совещания в верхах, стараясь оказать давление на США, Англию и Францию, навязать им свою волю в германском вопросе.

Грязная, неумная игра! Она способна вызвать у каждого честного человека гнев и возмущение!

А. Б.

СПОР И ЕГО УЧАСТНИКИ

СОВЕТСКИЙ писатель — всегда политический деятель. Когда он берется за перо, то думает о своем читателе, хочет быть полезным народу и прогрессу. Политика не «насилует» его творчество. Она составляет основу настоящего искусства, его душу, кровь и дыхание. Решительно подчиняют свое перо политическим интересам демократии и прогрессивные писатели, и художники во всех странах мира.

Но далеко не всем художникам на Западе ясны основы основ прогрессивной эстетической мысли. Некоторые страсти политикой, пытаются, как черт от ладана, бегать от политической деятельности, уклоняться от социальной ответственности.

Не так давно французская газета «Ар» собрала в своей редакции группу видных деятелей искусства для собеседования на тему «Можно ли делать газету без политики?»

В беседе приняли участие: писатель Жак Шардон, драматург Ионеско, кинорежиссер Андре Кайятт, режиссер и актер Жан Виллар, художник Андре Лот, скульптор Задкин, философ Пьер Бутан. Известный писатель Франсуа Морнак прислал редакции свой ответ в письменной форме.

Не будем удивляться действиям газеты «Ар»: ни тащайся за расшифровкой вопроса пропаганды аполитичности, ни узкоузкому (рассчитанному на отсутствие оппонентов) подбору «рышарей круглого стола». Несмотря на скрытую тенденцию и на открытое ограничение круга участников, беседа оказалась интересной и кое в чем поучительной.

Люди, собранные для того, чтобы принести прирост идеям аполитичности искусства, отнеслись к беседе и во всем оправдали расчеты редакции. Думают, что читатель отчет о беседе в «Ар» неизбежно скажет, что аполитичное искусство и аполитичная газета не бывает, что искусство без политики не живет, что сколько бы художник ни гнал политику от своего порога, она явится к нему в окно.

Разговор в редакции «Ар» обнаружил наличие некоторых крайне реакционных мнений. В этом нет ничего неожиданного и ничего удивительного. О том, что Ионеско стоит на позициях воинствующего модернизма, достаточно красноречиво говорит его «черная драматургия». Заявления, сделанные им в редакции «Ар», только как бы комментируют характер его произведений.

«Настало время аполитизировать искусство», — провозгласил Ионеско и тут же коротко и ясно заявил, что у театра надо отнять воспитательные цели, что живопись надо рассматривать лишь как «метаморфозы», что художника надо «освободить» от общества, дать ему «слушать свободу, составляющей завоевание современного артистического мира». Нужно ли всерьез спорить с Ионеско? Вряд ли. Кажется, он всем своим существом прирос к буржуазному декадансу и никакие «уговоры» ему не помогут.

Впрочем, «уговоры» вообще ни к чему, и мы не собираемся «уговаривать» никого из участников беседы в «Ар». Хотелось только, чтобы они (и те, кто

разделит их иллюзии) додумали кое-что из недодуманного, обрели большую ясность в вопросах отношения искусства к политике.

А у художников, собравшихся в редакции «Ар», немало иллюзий и восторженных извещений Жана Шардона, но убеждений, что в обществе разражается политическим страсти, ему не удалось сблизить свою творческую невинность. Уже сейчас та «эстетика», которую он разделяет, сильно ограничивает возможности его таланта.

Другая иллюзия, владеющая частью «спорщиков» из «Ар», состоит в представлении, будто «политика — это особая профессия», подобная, скажем, профессии «каменотесов, дровосеков, портных». Эту странную (как французский говорит, «билар») мысль высказывает скульптор Задкин. Сходная идея сквозит в суждениях Пьера Бутана. По разуме писателя или художника занимают только проблемы, решаемые профессиональными политиками? Разве каменотес, дровосек, портной не мыслит политически, не обладает определенными (демократическими) интересами политического свойства? Нет, честный политический человек времени волнует прежде всего политические стремления народных масс (и — соответственно — идеи и деятельность тех профессиональных политиков, которые борются за эти стремления). Нет, политическая деятельность — это выражение интересов широчайших слоев народа, в рядах которого — и притом в первых — должны стоять его художники.

И, наконец, еще одна иллюзия: мысль о возможности издания газеты без направления, в которой мирно соседствовали бы литераторы противоположных общественных репутаций. Пьер Бутан хочет, чтобы «Ар» судила об искусстве с аполитичных позиций. Жан Виллар желает увидеть в редакции «Ар» в качестве ее «равноправных» авторов коммуниста Арано и... коллаборациониста Монтерлана.

«Древняя» иллюзия! Это у ней Ленин писал Горькому, когда Амфитеatrov пытался создать журнал без направления — вещь нелепая, несурная, скандальная и вредная, что «он будет неизбежно сражаться и сражать своих участников».

Итак, иллюзии. Но рядом с ними — мысли, ведущие к преодолению иллюзий, мнения, рожденные разумными, трезвыми, реалистическими характерами, подсаженные опытом жизни.

Громче всего верные мысли прозвучали у Жана Виллара, этого блестящего мастера театра, руководителя знаменитого «ТНР». Я знаю Виллара, встречался с ним во время гастролей его театра в Ленинграде. И за его словами об искусстве и политике я увидел его живые, умные глаза. «Аристотель», — сказал он, — был писателем с политическими убеждениями... Аристотель все еще играет на сцене, и споры его героев звучат для нас так же правдоподобно, как для греков». Верно определил Вертольда Брехта как художника коммунистических убеждений, Виллар заметил: «...критик, который отказывается судить о пьесе Брехта по существу, ограничившись ее формальной поступок. Прежде всего от критика ускользнут основные замыслы автора... Следовательно, аполитичный критик — это бессмыслица, если под аполитичностью понимать систематическое нежелание оценивать политические ценности в их эстетическом выражении».

Жан Виллар — отнюдь не профессиональный политик. Но как руководитель театра для народного зрителя он не может жить и мыслить вне политических интересов. Подобно ему и Андре Кайятт — мастер кинематографии, искусства массового — высказался против идеи аполитичности печати.

«Все газеты», — сказал он, — занимают политикой, поскольку они существуют». А скульптор Задкин? Разве за его словами, обращенными против художников, «поддерживающих политику торговцев картинами, которые зачастую обращаются с ними, как настоящие тираны», не чувствуется протест против политики буржуазного надругательства над искусством? Право же, отрицание «грязной политики» буржуазии не должно превращаться в отрицание политики вообще. Грязной политике, мошенническому политиканству, прикрывающему насилие над личностью и творчеством, лавно противостоит политика подлинная, чистая и широкая, политика демократическая, несущая счастье и радость людям.

Несколько слов о позиции Фр. Морнака. Он не участвовал непосредственно в беседе. Он изложил свои мысли в немногих строках. И эти мысли противоречивы. Но и Морнак, выказываясь в духе аполитичности, не мог не признать, что «еженедельной газете, пусть даже литературной, редко удается не подпасть под влияние политики, даже если она в этом не отдает себе отчета».

Обмен мнениями в редакции «Ар» не принес его организаторам желаемых результатов. Идеи аполитичности вызвали не только поддержку, но и возражения, сомнения.

Там, где появляются сомнения, мысль должна работать дальше. Она может «добираться» до истины, до осознания политической роли и общественной ответственности искусства и литературы. Она может помочь художнику освободиться от иллюзий и повернуться лицом к действительности.

Александр ДЫМИШЦ